

ДЫРА В ШУМЕ

Когда твоя собака учится говорить, первым делом ты понимаешь, что сказать собакам особо нечего. То есть совсем нечего.

— Хочу ка-ка, Тодд.

— Заткнись, Манчи.

— Ка-ка. Ка-ка, Тодд!

— Заткнись, говорю!

Мы бредем по лесу на юго-востоке от города — он спускается к реке, а потом переходит в болото. Бен велел мне насобирать болотных яблок и заставил взять с собой Манчи. Вапщето Киллиан купил его, чтобы подмазаться к мэру Прентиссу, и вот мне подарили на ДР щенка, хотя я и не *просил* щенка, а просил *починить* мой ядерный мопед, чтобы не таскаться пешком по всему городу как дурак, но нет, с днем рождения, Тодд, вот тебе новенький щенок, Тодд, и пусть ты его не просил, Тодд, угадай, кто теперь будет кормить его, дрисеровать, купать, выгуливать и слушать его идиотский треп, потому что он уже вырос и успел заразиться говорильным микробом! Угадай!

— Ка-ка, — тихо тьякает Манчи себе под нос. — Ка-ка, ка-ка.

— Давай уже, делай свои дела, и хорош тьякать!

Я вырываю придорожный сорняк и замахируюсь им на Манчи, но он припускает вперед, и я не попадаю. Вапщето я и не *думал* попадать, дурачился просто, но этот гад все равно смеется. Я иду дальше, махая сорняком из стороны в сторону, щурясь от солнца и пытаюсь ни о чем не думать.

По правде говоря, болотные яблоки нам даром не сдались. Если очень захочется, Бен может купить их в лавке мистера Фелпса. И вторая правда: поход на болото за яблоками — не мужское дело, у мужчин всегда есть работа поважней. Но *официально* я пока не мужчина — стану им только через тридцать дней. Я прожил двенадцать долгих лет по тринадцать месяцев каждый, а потом еще двенадцать месяцев, то есть до самого важного дня рождения мне остался ровно один месяц. Все уже строят планы и готовятся к празднику, наверное, будет вечеринка, хотя у меня в голове на этот счет мелькают какие-то странные картинки, очень темные и яркие одновременно, но в любом случае я скоро стану взрослым, а собирать яблоки на болоте — не дело для мужчины и даже для почти-мужчины.

А всетаки Бен знает, что может послать меня за яблоками и я пойду как миленький, потомушто болото — единственное место в окрестностях Прентисстауна, где можно чутьчуть отдохнуть от постоянного Шума, который разбрызгивают вокруг себя мужчины, от бесконечного лязга и дребезга, которые не смолкают даже ночью, когда город спит, от мыслей, которые всегда и у всех на виду. От мужчин и от их Шума. Не понимаю, как это они до сих пор друг друга не переубивали.

Мужчины очень Шумные создания.

— Белка! — вопит Манчи и бросается в поле, хоть я и ору на него как ненормальный. Ну а я, конечно, лечу за

ним по этому *клятому* полю (на всякий случай оглядываюсь по сторонам: нет ли кого поблизости), потомушто Киллиан спятит от злости, если Манчи провалится в какую-нибудь *клятую* дыру, и я буду во всем виноват, хоть я вапщето не просил дарить мне никаких *клятых* собак.

— Манчи! А ну ко мне!!!

— *Белка!*

Я продираюсь через высокую траву, в ноги впиваются грублеты. Один лопается, когда я пытаюсь его сбросить, и на кроссовках остается яркое зеленое пятно, которое ничем не отмоешь — знаю по опыту.

— *Манчи!* — в бешенстве ору я.

— Белка! Белка! Белка!

Он прыгает вокруг дерева и лает как оголтелый, а белка скачет туда-сюда по стволу и дразнится. **Ну-ка, собачка, ну-ка, ну-ка,** — звучит в ее Шуме, — **поймай меня, поймай! Ну-ка, ну-ка, ну-ка!**

— Белка, Тодд! Белка!

Черт подери, какие же они тупые, эти звери.

Я хватаю Манчи за шкурку и больно шлепаю по заду.

— Ой, Тодд? Ой? — Бью еще. — Ой, Тодд?

— *Хорош!!!* — Мой Шум такой громкий от ярости, что я едва слышу собственные мысли и очень скоро пожалею об этом, сейчас поймете почему.

Ну-ка, мальчик, ну-ка, мальчик, — обращается белка ко мне. — **Поймай меня, ну-ка, мальчик.**

— Катись к чертям! — кричу я ей, только использую совсем другое слово — то, вместо которого полагается говорить «фиг».

И почему я не огляделся по сторонам? Дурачина!

Из высокой травы на меня выпрыгивает Аарон: он отвешивает мне оплеуху, царапая губу перстнем, а потом замахивается кулаком и бьет прямо в скулу. До носа

не достает — я падаю, уворачиваясь от удара, и выпускаю из рук Манчи. Он летит обратно к белке, предатель, и лает как оголтелый, а я падаю на траву и весь измазываюсь в соке грублетов.

И сижу там, на земле, тяжело дыша.

Аарон нависает надо мной, в его Шуме цитаты из Писания и из последней проповеди, и **Следи за языком, Тодд, и найди жертву, и святой мученик избрал свой путь, и Господь слышит**, и целый вихрь картинок, которые есть в Шуме каждого, а между ними мелькает...

Что? Что это за бред?..

Но Аарон уже блокирует мысль громким отрывком из проповеди, а я смотрю ему в глаза и ничего не хочу знать. Ничего. Я чувствую вкус крови — перстень рассек мне губу, — и не хочу ничего знать. Он *никогда* сюда не приходил, мужчины *вообще не ходят* на болото, на то есть свои причины, здесь никого не должно было быть, кроме нас с Манчи, но Аарон стоит передо мной и я не хочу не хочу не хочу ничего знать.

Он улыбается мне сквозь бороду, улыбается мне, сидящему в траве.

И кулак у него улыбчивый.

— Следи за языком, Тодд, — говорит он. — Мы все связаны языком, как узники цепью. Неужели церковь ничему тебя не научила, сын мой? — И повторяет свою излюбленную фразу: — Если падет один, падут все.

«Хорошо, Аарон», — думаю я.

— Следи за языком, Тодд.

— Хорошо, Аарон.

— Что это еще за «черти»? Ты что себе позволяешь? Я все слышу, Тодд. Шум тебя выдает. Он всех выдает.

«Не всех», — думаю я, а вслух говорю:

— Прости, Аарон.

Он наклоняется ко мне, близко-близко, такшто я чую его дыхание, тяжесть его дыхания, которое цепкими пальцами хватает меня за горло.

— Господь слышит, — шепчет Аарон. — Господь слышит.

Он вновь замахивается, я шарахаюсь в сторону, а он хохочет и уходит, вот так запросто уходит в город по тропе и уносит с собой Шум.

Я весь дрожу, кровь стучит в голове от удара и от неожиданности, и от злости, и от ненависти ко всем этим людям и к этому городу. Я так дрожу, что даже не сразу могу встать и пойти искать собаку. *Что он вапще тут делал, черт возьми?* Я пытаюсь думать, но в голове до сих пор стучит от ненависти (и от страха, да, от страха, заткнись!), и я даже не смотрю по сторонам, Аарон ведь еще может слышать мой Шум. Но я не смотрю. Не смотрю.

А потом всетаки оглядываюсь, встаю и нахожу свою собаку.

— Аарон, Тодд? Аарон?

— Никогда не произноси это имя, Манчи.

— Кровь, Тодд? Тодд? Тодд? Тодд? Кровь?

— Знаю. Заткнись.

— Ну-ка, — без всякой задней мысли повторяет он за белкой, и голова у него пуста, как ясное небо.

Я шлепаю его по задку.

— Это тоже не смей говорить!

— Ой, Тодд?

Мы идем дальше, держась подальше от реки слева от нас. Начинается она далеко к северу от фермы, потом проходит несколько узких ущелий в восточной части города, а здесь постепенно сходит на нет и превращается в болото. К заболоченным берегам реки лучше не соваться, потомушто здесь живут кроки — огромные кроки, которым ничего не стоит сожрать почти-мужчину и

его пса. Их спинные плавники выглядят точь-в-точь как кусты, а если подойти к ним слишком близко — БАХ! — они выскочат из воды, щелкая зубами и лязгая когтями, и тогда ты точно не жилец.

Мы обходим заболоченный берег стороной, и я пытаюсь свыкнуться с приближающейся болотной тишью. Смотреть тут особо не на что и делать нечего, поэтому мужчины сюда и не ходят. И еще из-за вони. Я не говорю, что здесь ничем не пахнет, но все-таки вонь не такая ужасная, как они воображают. Это вонь их воспоминаний, а не настоящая вонь — они чувствуют то, что было раньше. Горы трупов. У спэков и людей были разные притравления о том, как хоронить покойников. Спэки просто бросали своих в болото, те уходили на дно, и все было нормально — наверное, потому что их тела так устроены. Ну Бен так говорит. Из воды, грязи и спэкской мертвечины не получалось никаких ядов, они только абагащали болото, как человеческая плоть абагащает почву.

А потом спэксских трупов стало много, очень много, даже болото не могло столько проглотить, а оно у нас гигантское, будь здоров. И живых спэков не осталось совсем, понятно? Только их трупы, горы трупов, которые гнили и воняли черт знает сколько времени, пока болото снова не стало болотом. До тех пор там были только мухи, вонь и черт знает какие еще микробы, заготовленные спэками специально для людей.

Вот в таком мире я родился, в таком сумасшедшем мире, где болота и клатбища были переполнены, а город — наоборот. И я ничего не помню — не помню, как жилось в мире без Шума. Папа заболел и умер до моего рождения, потом и мама тоже — ну это понятно, тут ничего странного. Меня приютили Бен с Киллианом. Они меня вырастили. Бен говорит, моя ма была последней из женщин, но все так говорят о своих мамах. Мо-